

И. Л. Измайлов

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: ОТ ПЛЕМЕНИ К ГОСУДАРСТВУ

Процессы сложения средневекового Булгарского государства в последнее время все больше привлекают внимание исследователей. Объясняется это как недостаточной изученностью всего комплекса вопросов по данной теме в регионе, так и сложностью путей генезиса средневекового государства и разных типов феодальных структур. Особый интерес в этой связи вызывает история Булгарского государства, так как именно оно обеспечило прорыв Волго-Уральского региона к цивилизации и стало своего рода «ареалообразующим фактором» в социальной, культурной и этнополитической истории региона¹.

Булгары на Волге: первые среди равных. Говоря о начальном этапе становления Булгарского государства необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: булгары, пришедшие в Среднее Поволжье, спасаясь от вторжения хазар, имели длительные традиции государственности; этнокультурная и этнополитическая обстановка во второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье была довольно сложной и не совсем ясной. Эти обстоятельства, как можно предполагать, сыграли важную роль в возвышении булгар и в формировании нового государства на берегах Волги.

Как известно, держава Кубрата, известная византийским источникам как «Великая Болгария»², возникает на основе более ранних потестарно-политических структур, созданных различными кланами кочевых народов. Хотя «Великая Болгария» существовала исторически недолго, однако в этот период у правящей элиты сформировалось особое этнополитическое самосознание, так как после распада политического объединения и переселения в иные регионы проживания различные группы болгар и на новой

¹ Кузеев Р. Г. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н.э. до XVI в. Препринт. Уфа, 1987. С. 2, 28.

² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. С.113.

родине сохраняли свой этноним и характерные элементы духовной культуры, в том числе, видимо, династийную историю («Именник болгарских ханов»). Факт дисперсного расселения болгар достаточно хорошо зафиксирован письменными источниками, а также сходством археологических материалов, обнаруженных в Нижнем Подунавье, Паннонии, Среднем Поволжье, Подонье и Северном Кавказе.

Булгарские племена, возможно, возглавлявшиеся *котрагами*, обитавшими по правобережью Среднего Дона, переселившись в Поволжье в конце VII в., оказались в окружении близкого по языку тюркского населения, которое пришло сюда несколько ранее³. Археологическими свидетельствами переселения булгар в Волго-Камье являются Бураковское погребение, погребения Шиловского, Брусянского и Новинковского могильников, имеющие аналогии в памятниках Северного Причерноморья (Малая Перещепина) и Болгарии (Мадара)⁴. Особенно выразительно Бураковское погребение, которое имеет все черты сходства с «Перещепинским кладом» (возможно, погребением Кубрата или кого-то из его ближайших наследников): в обоих случаях это одиночное захоронение, совершенное, очевидно, по обряду кремации покойного, в могилу которого был положен богатый погребальный инвентарь — оружие (мечи и кинжалы), конское снаряжение (стремена, уздечка с драгоценными накладками), парадный пояс с золотой гарнитурой и другие украшения. Все это заставляет думать, что мы имеем дело с однопорядковым в социальном плане явлением и, следовательно, вожди булгар, пришедших на Волгу, имели достаточно высокий социальный статус, возможно, даже являлись потомками Кубрата. Однако в Среднем Поволжье им не сразу удалось занять главенствующее положение.

Первоначально булгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы, вытеснив или подчинив себе какие-то балто-славянские родовые группы (именьковская культура). Несколько восточнее в степном Заволжье и Южном Урале исследователи локализуют легендарную прародину венгров — «Magna Hungaria»⁵. Эта общность, очевидно, не представляла собой этнополитического единства, а была конгломератом племенных объединений.

Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена огурскими племенами еще ранее. По данным сочинений арабо-персидских авторов, кроме булгар, среди них отмечаются группы *берсула* (*барсил*), *эсегел*, а также более мелких родовых групп — *сувар* (*савир*), *баранджар*. Таким образом, население будущей Волжской Болгарии кроме булгар включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/чигили) компоненты⁶.

Названия этноплеменных объединений зафиксировала арабо-персидская традиция уже в начале X в. Эта информация сохранялась практически в неизменном виде вплоть

³ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 100–176; Генинг В. Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 13; Казаков Е. П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1/2. С. 23–38.

⁴ Багаудинов Р. С., Зубов С. Э., Богачев А. В. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. С. 15–164.

⁵ Халикова Е. А. Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7. С. 37–42; Седов В. В. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 336–239; Kristo G. Hungarian history in the ninth century. Szeged, 1996. P. 31–41; Иванов В. А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

⁶ Golden P. Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Khazars. Vol. 1-2. Budapest, 1980. P. 86–89.

до конца X в., когда была вытеснена другой, более актуальной и достоверной. Самым ранним свидетельством о составе населения Среднего Поволжья следует, очевидно, считать сообщение Ибн-Русте: «Они (булгары) — трех разрядов. Один разряд из них *б.р.сула* (берсула), другой разряд — *ас.к.л.* (эсегел), и третий — булгары; средства существования каждого из них в одном месте»⁷. В несколько дополненном и уточненном виде это известие сохранилось в анонимном персидском источнике второй половины X в. «Худуд ал-Алам»: «Их (булгар, хотя в тексте ошибочно речь идет о буртасах — И. И.) три группы: *бахдула*, *шикиль* и *булгар*; все находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг другу друзьями»⁸. Из этого отрывка можно сделать вывод, что все население Среднего Поволжья входило в состав трех крупных этноплеменных объединений, из которых только одно было действительно булгарским, а все другие имели иное происхождение. В этой связи представляется весьма неверным называть все эти объединения «булгарскими», как это часто встречается в исторической литературе. Не имея дополнительных данных пока трудно судить об их характере, но, скорее всего, они представляли собой надплеменные образования типа древнерусских «племенных княжений».

Возникает вопрос, ситуация какого периода описывается в этом отрывке? Этнополитическая ситуация в Среднем Поволжье в 922 г. достаточно подробно описана Ибн-Фадланом, у которого приводятся абсолютно другие реалии, в частности, объединение эсегел подчиняется правителю булгар Алмышу. Следовательно, ситуация с тремя независимыми этноплеменными объединениями, только одно из которых является собственно булгарами, должна относиться к более раннему времени, очевидно, не позднее начала X в. Очевидно, что и для компиляции Ибн-Русте этот пассаж был уже архаичным, поскольку соседствует с современными данными о двух городах — Болгаре и Суваре, где живут мусульмане. Это известие стало определяющим для последующих мусульманских историко-географических сочинений (ал-Балхи, ал-Истахри, ал-Марвази, «Худуд ал-Алам», Исхак ибн ал-Хусейна и др.). Иными словами, на начальном этапе формирования Булгарского государства, собственно булгары, переселившиеся в Среднее Поволжье, столкнулись с группами огуро-тюркских племенных групп, с которыми начали борьбу за гегемонию. В результате различных военно-политических коллизий во второй половине IX в. здесь складывается три сильных этнополитических объединения — булгары, эсегел и берсула. Именно между ними разгорелась борьба за гегемонию.

Кроме мусульманской традиции, сохранились и другие сведения о населении Среднего Поволжья. Русские летописи фиксируют ряд названий булгар, некоторые из которых можно интерпретировать как племенные обозначения более раннего времени. В описании похода 1183 г. в Ипатьевской летописи читается, что русские войска «поидоша на конех в землю Болгарьску к Великому городу серебряных болгар»⁹. Еще ранее «сребреня Болгары» упомянуты в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха среди народов, с которыми воевал Владимир Святославич¹⁰.

⁷ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. СПб., 1869. С. 22; Захондер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 28.

⁸ Бартольд В. В. Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // Он же. Сочинения. Т. VIII. М., 1962. С. 545.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 625.

¹⁰ Память и похвала Владимиру Иакова мниха // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М., 1988. С. 290; Богуславский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру» // Известия ОРЯС АН СССР. 1925. Т. XXIX. С. 141–153.

Вопрос о том, что из себя представляло объединение серебряных болгар, достаточно сложен. Возможно, оно было ядром формировавшегося в X в. Булгарского государства с центром в городе Биляр, как полагал еще А. Х. Халиков¹¹. Однако для XII в. говорить о племенном делении болгар вряд ли возможно, учитывая уровень их социального развития. Вполне вероятно, что в данном случае под Серебряной Булгарией надо понимать какую-то центральную историческую область или даже эмират в составе Булгарии.

Под этим же годом в ряде летописей фиксируется сообщение, несомненно, восходящее к владимирскому своду 1189 г.¹², но наиболее полно сохранившееся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. По этим сведениям, булгарское войско, собранное из разных областей страны для отпора русскому вторжению, состояло из ополчения «из города Собекуля и из Челмата»¹³, которое «совокупишася со иными Болгары зовемими Темтюзи»¹⁴, а также пришедшей им на помощь коннице из «Торцьского города»¹⁵. Некоторые историки склонны видеть в них локальные племена болгар, хотя летописец в рассказе об этом событии везде четко акцентирует внимание на то, что все эти названия относятся именно к городам («окольнии же городе Болгарьским», «болгаре же из города...»¹⁶). Скорее всего, здесь речь идет о городских или территориальных феодальных ополчениях, выступивших на помощь своему суверену. Недаром летописец подчеркивает, что все они «болгаре», только из разных областей или владений (бекств), хотя при этом нельзя исключать, что названия эти восходят еще к ранним родоплеменным названиям. В целом же все эти сообщения только подтверждают мысль, что для русских все население Булгарии было единым этнополитическим организмом, что особенно четко фиксируется для конца XII – начала XIII в.

Кроме этих этнонимов, некоторые историки пытаются сконструировать некую общность под названием «нукратских болгар», якобы восходящую к *берсула* и идентичную «серебряным болгарам» («нократ» — по-персидски «серебро»). Данная гипотеза, возникшая под воздействием «яфетической» теории Н. Я. Марра («Бер»=берсула, «сер»=«серебро»)¹⁷, уязвима для критики. Данное название никак не может быть связано ни с серебром, ни с булгарами ни с точки зрения филологии (происхождение татарского названия гидронима Вятка (*Нукрат суы*) восходит к названию Новгорода (*Нукрат*), которому принадлежали Вятские земли¹⁸), ни с точки зрения истории, поскольку не фиксируется ни в одном средневековом источнике. Попытки же конструирования неких «нукратских/серебряных болгар»¹⁹, якобы живших по Вятке и Каме, несостоятельны, поскольку в русских источниках «серебряные болгары» отмечаются только под этим названием и в районе Биляра («Великого города» русских летописей).

Анализ названий племенных групп Среднего Поволжья, сохранившихся в арабско-персидской историко-географической традиции, позволяет говорить о том, что все эти

¹¹ Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 78, 79.

¹² Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 91.

¹³ ПСРЛ. Т. I. С. 390.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 625, 626.

¹⁵ ПСРЛ. Т. I. С. 390.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. С. 390; ПСРЛ. Т. II. Стб. 625, 626.

¹⁷ Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 107.

¹⁸ Добродомов И. Г. К вопросу о «серебряных булгарах» // ДГВЕ. 1992–1993. М., 1995. С. 149–154.

¹⁹ Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 15.

группы были не этнополитическими объединениями, а отдельными родами, отколовшимися от основной массы своего племени. Очевидно, в Среднем Поволжье мы имеем дело с довольно уникальной ситуацией. Основу населения формирующегося государства составляло не отдельное племя в традиционном смысле этого понятия, т.е. объединение, члены которого связаны общностью происхождения, внутренними кровнородственными связями и устойчивым этнонимом — одним из главных индикаторов этноплеменной самоидентификации, а довольно дисперсные коллективы, отброшенные в результате военно-политических событий на периферию цивилизации и за пределы степи. Здесь они вступили уже в новые взаимодействия и образовали новые объединения, включившие в свой состав группы весьма разнородного происхождения. Все это позволяет сделать вывод, что те группы населения, которые фиксируются позднее письменными источниками, были объединениями не кровных родственников, а территориально-политическими общностями. Только весьма условно их можно называть «племенами» или «союзами племен». Для обозначения их можно было бы использовать тюркский термин «эль», обозначающий государство, во главе которого стоит правящее племя или клан. Именно такими этнополитическими образованиями были общности, зафиксированные арабо-персидской традицией в X в.

Постепенно, к началу X в. булгары сумели одержать верх и подчинить или связать союзническими отношениями все население Среднего Поволжья. К сожалению, детали этого процесса скрыты от нас в глубине веков, но этапность его очерчивается достаточно отчетливо. Приход группы булгар из Подонья во главе с кланом, верхушка которого, имела, очевидно, родственные связи с правящим родом хана Кубрата Дуло, и, видимо, называла себя «серебряными булгарами», дабы отличить от других групп болгар (или протоболгар) в Подонье, Северо-Западном Предкавказье и на Дунае, вызвал цепную реакцию социальных изменений. В силу своей знатности и родовитости, этот клан булгар сначала объединил ряд огуро-тюркских групп, а затем начал борьбу с двумя другими крупными объединениями племен — *берсула* и *эсегел* — за власть и гегемонию. Не исключено, что в этой борьбе булгарам оказали поддержку хазары, которым, очевидно, легче было опереться на родственников булгар, чтобы подчинить своей власти Среднее Поволжье. Как бы то ни было, но в начале X в., когда арабо-персидские письменные источники начинают фиксировать обстановку в Поволжье, булгары уже являются главенствующим родом и центром объединения местных племен. Нам не известно имя правителя, при котором произошло это объединение, но уже при отце Алмышы Шилки (Силки) это было свершившимся фактом.

О характере этого этнополитического объединения можно только догадываться, но явно, что структурно и типологически оно было близко к тюркским государствам Восточной Европы. Иными словами, булгары, как родовая группа или клан стали господствующим племенем и сформировали военно-служилую элиту общества. Представители других этноплеменных групп с момента вхождения в булгарский эль становились зависимым населением. Даже прежняя племенная аристократия стояла рангом ниже булгарской знати и включиться в элиту могла, очевидно, только породнившись с булгарами. Видимо, именно с этого момента принадлежность к клану булгар стала означать более высокий социальный статус.

Булгары и русы на Великом Волжском пути. К началу X в. это государство переживает период бурного роста и укрепления своей экономической и военно-политической

мощи. Способствовало этому несколько внешних факторов. Одним из них стало возникновение и функционирование Великого Волжского пути.

Среднее Поволжье долгие века располагалось в стороне от бурно развивавшихся цивилизаций Азии и Европы. Тягучая размеренная жизнь его населения, жившего в «четвертом мире», лишь спорадически прерывалась переселениями новых племен и разнообразилась торговыми контактами с более развитыми южными народами, доносившими до них отголоски иных культур. Однако в конце IX в. традиционная история Поволжья, как периферии цивилизации, была сломана и создалась совершенно новая политическая и культурно-историческая ситуация. Возникло государство, образовалась целая сеть городских поселений, стали регулярными торговые связи со странами Европы и Азии, ислам стал государственной религией. Иными словами, Среднее Поволжье стало неотъемлемой частью культурной ойкумены.

Толчком и катализатором этих социальных изменений в болгарском обществе стали военные и торговые походы викингов. Нельзя не заметить, что именно этот период истории у многих народов наполнен бурными процессами сложения средневекового общества: возникают и расцветают города, появляется письменность, утверждаются мировые религии и устанавливаются обширные торговые связи. Никогда еще мир не был связан так крепко торговыми путями как в IX–X вв., когда в регулярный товарообмен были втянуты практически все народы от Англии на западе до Китая на востоке и от Прикамья на севере до Индии на юге. Достаточно вспомнить о многочисленных кладах этого времени, включающих сотни и тысячи монет, как пунктиром очерчивающих торговые пути. Особенно тесно были связаны между собой страны Северной и Восточной Европы, которые, сохраняя присущие им традиции, впитывали новые элементы культуры. Именно тогда сходные вещи, украшения, орнаментальные мотивы и композиции, особенно оформляющие военный быт и определяющие социальный престиж владельца, распространяются от берегов «Туманного Альбиона» до Болгарии. Не всегда все новшества этого периода можно связать прямо с присутствием скандинавов-викингов, но роль их в распространении новых элементов культуры и в налаживании регулярного обмена между разными частями Европы, особенно на начальных этапах, очень велика.

Проблема контактов и взаимовлияния болгар и скандинавов в эпоху раннего средневековья привлекает внимание исследователей уже с первых публикации сведений арабо-персидских источников, в которые содержали упоминания о «русах» в Поволжье. Долгое время вопрос о характере этих отношений решался в рамках «норманнской» теории. Отрывочность исторических и археологических материалов, отсутствие комплексного подхода к его осмыслению приводили историков к прямо противоположным взглядам на эту проблему. Ряд зарубежных авторов (А. М. Тальгрэн, Т. Арне и др.) считали, что скандинавы активно влияли на народы Среднего Поволжья, тогда как в советской историографии их роль совершенно отрицалась.

Для Волжской Болгарии, как и для других регионов Северной и Восточной Европы «эпоха викингов» была временем возникновения государства, сложения нового этноса и бурного развития городов. Именно на фоне трансформации племенных отношений и созидания нового социального организма происходили болгаро-скандинавские контакты. Долгое время влияние Балтийско-Волжской магистрали на историю рассматривались исключительно в торгово-хозяйственном плане или как поле этнокультурных

контактов. Только сравнительно недавно, благодаря трудам А. Н. Кирпичникова, Г. С. Лебедева, В. А. Булкина, В. Я. Петрухина и других, было обращено внимание на колоссальное значение, которое она имела для становления государств и формирование новых этнополитических общностей²⁰.

Очевидно, что развитие и резкое увеличение товарооборота по волго-балтийскому пути было вызвано пересечением его с другой важнейшей торговой магистралью древности и средневековья — Великим Шелковым путем. Причем северное ответвление этого пути проходило по степям Южного Урала и выходило в Среднее Поволжье. Основными товарами, которые перемещались по нему, были шелк, благовония, пряности, пушнина, серебро, пленники и многое другое. Выгода от торговых операций обеспечивалась тем, что стоимость товаров на разных концах этой магистрали достигала 300%. При таких расчетах никакие издержки и опасности не могли остановить движение товаров по караванным и речным путям. Огромный объем торговых операций демонстрируют цепочки кладов монет по всему протяжению Волжского пути, а огромное количество кладов серебряных монет найденных в Скандинавии явно указывает на колоссальный поток серебра в одну сторону и других товаров, прежде всего мехов и рабов в обратном направлении²¹.

Вместе с тем, значение протяженных торговых путей не ограничивалось экономической сферой. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т. п. Путь обрастал сложной инфраструктурой: системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени втянутой в функционирование торгового пути, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекая округу в сферу своей деятельности, т.е. играл консолидирующую роль и представлял собой более или менее широкую зону.

В этой зоне протекание большинства экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли и ею стимулировалось. Участие в ней и тем более возможность установить контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой — вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах торговых путей

²⁰ Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В., Булкин В. А., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 24–38; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189–297; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.

²¹ Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Мельникова Е. А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 80–87.

создавались предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связей с торговой магистралью.

Важным свидетельством формирования и территориального распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образовывавших Балтийско-Волжский путь, на участке от Ярославля до Финского залива, т.е. от земли мери до земли чуди, а также в важнейших центрах пути (в Ладогe, Тимереве) или поблизости от них. Тем самым они обрисовывают тот же самый регион, что и письменные источники. Ниже Ярославля по Волге клады отсутствуют полностью, а их цепочка на юг по Волго-Окскому междуречью и их концентрация в Верхнем Подонье отмечают основное направление движения восточного серебра — по Дону. Единственное исключение составляет клад из 150 дирхемов, найденный у с. Старое Альметьево (так называемый клад «Элмед») близ Билярска (Татарстан), в котором присутствуют две монеты с граффити²². Одно из них идентично скандинавской благопожелательной руне *s* («солнце»)²³. Иными словами, этот клад прежде, чем попасть в землю, побывал в руках скандинава и был закопан, вероятно, с особой сакральной целью. Клады этого же времени открыты и в Верхнем Прикамье (Лелеки, Ягошур и Лесогур).

Кроме монетных кладов и рунических знаков, на присутствие в Среднем Поволжье дружин скандинавских викингов указывают и другие археологические материалы. С одной стороны, используя характерный облик скандинавских древностей можно определить некоторые механизмы этнической консолидации и ассимиляции в этом регионе в IX–X вв., а с другой, выявление археологических находок, связанных с торговодружинным слоем *русов*, дает возможность оценить реальный вклад викингов в процесс сложения средневекового Булгарского государства, его институтов и культуры.

Благодаря археологическим раскопкам А. И. Стоянова, П. А. Пономарева и Н. П. Лихачева в 1870, 1882 и 1893 гг., им удалось выявить и исследовать курганный могильник близ с. Балымеры с остатками кремации умерших, сопровождаемых набором вещей североевропейского и местного облика²⁴. Всего археологи в разные годы вскрыли 15 курганов, в том числе один с богатым набором оружия и украшений. Материалы данного могильника неоднократно анализировались и описывались (Н. П. Лихачев, А. А. Штукенберг, Б. Пошта, А. А. Спицын). Исследователями сделан вывод о несомненном скандинавском влиянии на характерные элементы погребального обряда этого могильника, а также об их принципиальной близости обряду похорон *руса*, описанного в «Записке» Ибн-Фадлана. Было указано также на ряд могильников Восточной Европы (Гнездово, Михайлово, Тимерово и др.), аналогичных по всему комплексу погребальных обрядов и инвентаря Балымерским курганам. Археологические и исторические аналогии и сопоставления позволили сделать вывод, что этот могильник, как и ряд

²² Кротошкин В. В. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань, 1986. С. 40.

²³ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1989. С. 47, Рис. 7, 2.

²⁴ Наиболее полная сводная работа об этих исследованиях: Штукенберг А. А. Древняя курганная могила около деревни Балымер (Булымер) в Спасском уезде Казанской губернии // Известия общества археологов, истории и этнографии при Казанском университете. 1893. Т. X. Вып. 2. С. 155–160.

других, оставлен русами — смешанным славяно-финно-скандинавским слоем воинов и торговцев, среди которого ведущую роль играли викинги-шведы²⁵.

Новые виды вооружения, не известные у булгар в VIII–IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы, характерных для феодальных обществ. Среди этого набора выделяются каролингские мечи, как редкое и дорогое оружие, использовавшееся, в основном, знатью и воинами-профессионалами. Кроме того, выделяется ряд находок, связанных со скандинавским костюмом (равноплечные фибулы, кольцевидные фибулы с длинными иглами и др.). Некоторые из этих предметов, как часть сакрализованного комплекса личных вещей и оберегов женского костюма, не могли служить предметом торговли и, несомненно, связаны с присутствием в Среднем Поволжье женщин скандинавского происхождения²⁶.

Картографирование этих находок, прежде всего предметов передового вооружения и социально престижных деталей костюма и снаряжения дружинников демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров Булгарии: Болгар, Биляр, Бальмер, городищ у сел Старая Майна, Старые Нохраты и других²⁷. Иными словами, Бальмерские курганы и комплекс других находок позволяет маркировать не столько этнокультурные контакты, сколько социальную поляризацию общества и становление новой дружинной культуры, ориентирующейся на более престижные предметы быта, прежде всего, военное снаряжение.

Включение в крупномасштабную международную торговлю служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие прибавочного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение объема собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно ускорение социальных процессов.

Таким образом, в социально-политической жизни Среднего Поволжья, как и севера Восточной Европы, в IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути, открытие и функционирование которого являлось результатом деятельности скандинавских купцов и воинов. В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной дифференциации в среде местных разноэтничных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные институты. Наконец, благодаря ей консолидируются обширные территории, на которых в середине IX в. возникают первые раннегосударственные образования, во главе одного из которых, с центром в Ладоге, становится скандинав Хрёрек (Рюрик), видимо, предводитель одного из отрядов викингов. Тогда же в Среднем Поволжье складывается держава, во главе которой становится эльтебер клана булгар Шилки, а позднее его сын Алмыш.

²⁵ Рассмотрение этого памятника в контексте археологии Северной Европы см.: *Измайлов И. Л.* Бальмерский курганный могильник и его историко-культурное значение // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары.* СПб., 2000. С. 70–86.

²⁶ *Измайлов И. Л.* «Русь» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков.* Казань, 1999. С. 94–100.

²⁷ Там же. С. 96–98.

Население Среднего Поволжья: кочевники и земледельцы. Совсем недавно считалось, что тюркоязычные кочевники Восточной Европы – это, прежде всего скотоводы, совершающие постоянные меридиональные перекочевки. По мнению целого ряда отечественных исследователей, таковыми были аланы, болгары, хазары. Между тем, как изучение модели функционирования кочевого и полукочевого общества, так и анализ данных письменных источников и археологических данных, заставляет полагать, что хазарская экономика базировалась не только и не столько на кочевом скотоводстве. Скрупулезный анализ всех данных относительно хазарской экономики провел Т. С. Нунан²⁸, который убедительно доказал, что основой экономики Хазарского каганата было развитое земледелие, включающее даже на периферии государства такие трудоемкие и специфические виды, как виноградарство, разнообразное ремесло, комплексное скотоводческое хозяйство и торговля, включая внутреннюю и международную. Весьма выразительны сведения письменных источников, которые рисуют картину живописной земледельческой округи, простиравшейся между основными городами хазар в Прикаспии и Нижнем Поволжье. Об этом ясно и неоднократно писали арабские авторы, начиная с Ибн-Хорддбеха и ал-Балхи, а также и сами хазары. Так, каган Иосиф в письме иудейскому единоверцу в Испанию писал, что летом большинство жителей Итиля проживает в своих загородных домах, занимаясь выращиванием урожая, а сами свои земли описывал, как «плодородные и богатые», состоящие из полей, виноградников, садов и парков²⁹.

Но не стоит думать, что земледелие процветало только в Предкавказье и Нижнем Поволжье. Существуют веские доказательства процветающего земледелия в Подонье, где на целом ряде археологических памятников (Саркел, Правобережное Цимлянское и Маяцкое городища и др.) были обнаружены пахотные орудия, серпы и мотыги. На ряде памятников обнаружены остатки зерновых ям с семенами пшеницы, якины и проса. О развитом и высокопродуктивном скотоводстве стойлового, а не кочевого типа свидетельствуют остатки костей на многих памятниках салтово-маяцкой культуры в Подонье. Это, прежде всего, кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней, которые в процентном отношении ко всем находкам костей достигают 10 %. Развитое ремесленное производство доказывают весьма унифицированные находки украшений, деталей костюма и поясная гарнитура, характерные для всего ареала этой государственной культуры Хазарского каганата. Не менее выразительна и отличительна также продукция других ремесел, особенно круговых гончарных сосудов и широкий ассортимент железных изделий, включая оружия, всадническое снаряжение и сельскохозяйственные орудия. Все эти данные, которые хорошо известны благодаря широким археологическим исследованиям различных регионов Хазарского каганата, не оставляют никаких сомнений, что основу его экономики составляло не кочевое скотоводство, а комплексное хозяйство с упором на развитое земледелие и ремесленное производство.

Судя по этим данным, огуно-болгарское население, оставшееся под властью хазар, также процветало. «Черная Болгария», включавшая земли Приазовья и Подонья, была одним из самых экономически развитых регионов Хазарии. Многочисленные археологические памятники, часть из которых хорошо изучена, не оставляет сомнений, что

²⁸ Noonan Th. 1) The Khazar economy // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1997. Vol. IX. P. 253–318; 2) What can archaeology tell us about the economy of Khazaria // *The archaeology of the steppes. Methods and strategies*. Napoli, 1994. P. 331–345.

²⁹ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 84–85, 102–103.

основу его составляло земледельческое население, имевшее навыки ремесленного производства и участия в мировой торговле.

Однако процветанию Хазарского каганата внезапно пришел конец. Принятие иудаизма и последовавшие за этим междоусобные войны и мятежи, привели к дестабилизации обстановки на обширных территориях юга Восточной Европы. Самым страшным ударом, который фактически разрушил единство Хазарии стало наступление печенегов. Все это привело к постепенному запустению степных районов Подонья и Предкавказья. Очевидно, что часть этого оседлого населения погибла в огне набегов, часть вынуждена была в условиях политической нестабильности перейти к кочевому образу жизни, фактически сливаясь с печенегами, а затем и кыпчаками. Однако часть переселилась в более северные регионы – главным образом в Волжскую Булгарию. Если верны сведения археологов, изучавших салтово-маяцкие памятники, то следует предположить, что уже с конца IX в. на Среднюю Волгу устремляется поток беженцев, имевших навыки оседлого земледелия и ремесленного производства. Придя на новую родину, они продолжали развивать свои прежние традиции жизни, быта и производства. Не удивительно, что среди находок в болгарских могильниках (Большетарханский VIII–IX вв. и Танкеевский IX–X вв.) от трети до половины посуды составляют круговые горшки, выполненные в салтовских традициях. На ряде памятников VIII–X вв. (Новинковский, Большетарханский, Танкеевский могильники) обнаружены земледельческие орудия — наральники, серпы, косы, мотыжки и др., которые свидетельствуют о занятиях населения. Эти материалы заставляют считать, что предшествующее, жившее довольно дисперсно земледельческое население, оставившее памятники именьковской культуры, было довольно быстро растворено среди оседлых земледельческих переселенцев с юга, принесших новые более прогрессивные традиции земледелия и ремесленного производства, в частности, гончарного, вытеснившего примитивные горшки именьковской культуры.

Скорее всего, именно это население стало в конце IX – начале X в. основой оседлого населения формирующихся протогородов, возникающих в этот период в зоне Великого Волжского пути. Археологически эти памятники чрезвычайно сложно выявить, поэтому ранние слои не выявлены не на всех памятниках. Однако в Болгаре близ Иерусалимского оврага обнаружены остатки раннего поселения, датированного монетами начала X в. Ранние слои, хотя и не такие выразительные обнаружены также при раскопках Билярского городища и ряда сельских поселений в Нижнем Прикамье³⁰.

Не удивительно, что фиксируемые письменными источниками сведения об оседлом населении, указывают на их южное происхождение, так Ибн-Фадлан отметил, что встретил в Булгарии группу «домочадцев» — баранджар, живших оседло и имеющих деревянную мечеть. Их наименование явное указание на место их родины – первую столицу Хазар город Беленджер (Баранджар). На занятия населения указывают и письменные источники, так Ибн-Фадлан писал: «Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень / у них/ в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял берет это для самого себя»³¹.

³⁰ Халиков А. Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 83–89; Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. М., 1987. С. 32–88; Хлебникова Т. А., Казаков Е. П. К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 100–136; Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2001.

³¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 136.

Таким образом, можно сказать, что экономическим фоном становления Булгарского государства стало не только функционирование Великого Волжского пути и караванного пути в Хорезм, приведшего к резкому обогащению болгарской клановой аристократии, но и массовый приток родственного тюркского населения из районов Подонья, Приазовья и Северного Кавказа. В условиях этого хозяйственного подъема происходило становление Булгарского государства, формировалась его правящая структура и слой военно-служилой знати.

Алмыш и его держава. Ведущей силой в процессах социальной трансформации потестарного общества следует признать военно-служилое сословие, формирующиеся из дружин племенных вождей. Уже на поздних стадиях развития родового общества дружину отличает ее постоянный характер и относительная независимость от потестарно-политических структур. В процессе становления феодального общества, именно она маркирует появление новых социальных структур, являясь их военно-политической основой и. обуславливая тем самым военно-служилый характер новой власти³².

Для истории Булгарии этот вопрос практически не разработан, хотя многие исследователи на основе анализа письменных источников, пришли к выводу, что к концу IX в. у болгар была развитая дружинная организация, и стало складываться государство³³. Однако выяснить конкретные ступени и формы перехода от племенной дружины к средневековому военно-служилому сословию историкам не удалось. Это удалось сделать, только проанализировав вооружение и его распределению у болгарского населения Среднего Поволжья. Как показывает анализ болгарских погребений VIII–X вв., в них явно выделяются группы по различному набору сопровождавшего умершего оружия. Учитывая, что все могильники оставлены племенами, ставшими основой будущего Булгарского государства и находившимися примерно на одной стадии социально экономического развития, их можно использовать для обобщенной характеристики истории болгарской дружины в целом

Всего в раннебулгарских могильниках VIII–X вв. вскрыто до 1600 погребений, среди которых более чем в 100 найдены предметы вооружения. Анализ набора оружия ранних болгар показывает, что большинство из воинов было всадниками и почти все они имели метательное вооружение. Более определенно группы погребенных разделяются по набору оружия ближнего боя. Первая группа имела комплекс вооружения, который состоял из сабель или копий, метательного оружия и конского снаряжения (в Большетарханском и Танкеевском могильниках процент таких погребений составляет от 6 до 10%). Вторая группа — с боевыми топорами или иногда с кистенями и с метательным оружием, а также с конским снаряжением. Третья, самая многочисленная, группа, составлявшая в разных могильниках от 50 до 90%, имела на вооружении метательное оружие, а также иногда конское снаряжение.

Вполне возможно, что на такое распределение оружия оказало искажающее влияние наличие большого числа ограбленных погребений, хотя есть основания считать более важными факторами религиозные и социальные причины. Вообще, для памятников

³² Изучение вопроса о дружине и ее роли в генезисе феодализма на примере Руси см.: Горский А. А. 1) Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С. 17-28; 2) Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.

³³ Смирнов А. П. О возникновении государства волжских болгар // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 99–112; Греков Б. Д. Волжские болгары в IX-X веках // ИЗ. 1945. № 14. С. 24-33; Халиков А. Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 88–103.

салтовского типа (как и для ранних булгар) характерен небольшой набор погребального оружия, поэтому очевидна связь каждого предмета вооружения с социальным рангом умершего. Сакрализация определенного вида оружия в качестве показателя статуса воина в дружинной организации, показывает, с одной стороны, древность расслоения войска (так как оно успело закрепиться в погребальном культе), а с другой — далеко зашедший процесс выделения профессиональных воинов в особый воинский контингент. Разумеется, для разных племен VIII–X вв. он был неравномерен, но, несмотря на некоторые различия, в целом определенно указывает на существование у раннебулгарских племен конных дружин, отличавшихся от остальной части войска вооружением, и, видимо, способом комплектования.

Новый этап в развитии дружины несомненно связан с коренными переменами в болгарском обществе, которые были вызваны устойчивым экономическим подъемом, возникновением городов и торгово-ремесленных поселений, включением Среднего Поволжья в мировую торговлю по Волжско-Балтийскому торговому пути и сложением болгарского государства. Только на археологическом материале проследить процесс эволюции дружины очень сложно, так как параллельно со становлением государства в культуру булгар, в том числе и погребальную обрядность, активно внедрялся ислам. Материалы из раскопок ряда могильников (Танкеевский, Тетюшский) позволили Е. А. Халиковой прийти к выводу о прекращении функционирования языческих погребальных обрядов в конце X – начале XI в. Однако, городские могильники — в первую очередь билярские — с самого начала своего существования были мусульманскими, что позволяет, наряду с другими фактами, говорить об исламизации социальных верхов, в том числе и дружины, уже с начала X в.³⁴ Продолжающие существовать языческие некрополи (Танкеевка, Тетюши), причем без резких изменений в обрядности, видимо, указывают на то, что племенные группировки, их оставившие, в течение X в. находились вне магистрального развития болгарского общества.

Небольшой, но достаточно эффектный материал, характеризующий болгарскую дружину X в., дают раскопки поселений. Наиболее выразительными являются находки предметов вооружения (сабли и их части, наконечники копий, боевые топоры, булавы, кистени, остатки защитного доспеха и т.д.), которые особенно часто встречаются в Билярском, Болгарском, Алексеевском, Валынском, Хулашском, Золотаревском, Балымерском городищах, а также в ряде селищ, преимущественно из находящихся в приустьевой части Камы. Особо следует выделить из этого традиционного набора вооружения предметы, которые, ввиду их отсутствия в материалах VIII–IX вв., можно рассматривать как новое явление в военной структуре.

В первую очередь, это относится к находкам мечей. Все они довольно компактно концентрируются в западном и центральном Закамье. Из Болгарского городища происходит меч и два наконечника ножен, из Билярского — навершие меча и два наконечника ножен. Два меча из так называемого Староальметьевского клада, скорее всего, также происходят из Билярского городища. Еще одна находка меча, из с. Салманы, происходит, видимо, из какого-то из близлежащих поселений. Другой меч происходит из Балымерского кургана, который располагался в непосредственной близости от Балымерского городища. Два обломка меча встречены на территории торгово-ремесленных

³⁴ Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань, 1986. С. 68–76, 88–93.

поселений на Нижней Каме. Кроме того, местонахождение двух мечей установлено как центральная Булгария. Таким образом, находки мечей, вместе с другим оружием, явно концентрируются вокруг раннегородских центров — Биляра, Болгара, Балымера, что определенно указывает на сосредоточение в них дружин³⁵. Вместе с мечами и их фурнитурой на этих же поселениях встречены другие предметы дружинного вооружения западного облика — полушаровидные умбоны от круглых щитов, широкие удлинненно-треугольные копья, шпоры — что является свидетельством определенного западного импульса в болгарском войске.

Показательно, что подобная концентрация социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности³⁶. Этот процесс объективно связан с консолидацией дружинных элементов на базе ранних городов. В Булгарии X в. они были, прежде всего, центрами политической власти — резиденциями князей и их дружин. Некоторые данные об этом дают арабо-персидские источники, которые, видимо, для первой половины X в. отмечают наличие двух городов — Болгара и Суvara. В этих городах «живут ... мусульмане, по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными»³⁷, в некоторых источниках речь идет о «конных воинах»³⁸. Есть основания полагать, что города Болгар и Сувар были центрами государственных образований со своей военной административной структурой, на что указывает факт чеканки собственной монеты с именем своего правителя.

Важной функцией городов, обусловленной наличием там двора правителя и его дружины, было также потребление, переработка и распределение прибавочного продукта (через ремесло и торговлю) для удовлетворения потребностей военно-феодалной знати. Изъятие этого прибавочного продукта и накопление богатств дружинной знати происходило посредством захвата военной добычи и ренты-налога. Восточные источники неоднократно сообщают о войнах болгар с бургасами и другими соседями. Ибн-Фадлан прямо пишет о характере взаимоотношений между правителями и его войском: «если же он предложит отряду /совершить/ набег на одну из стран, и он награбит, то он /царь/ имеет долю вместе с ними»³⁹. Несомненно, как это было в случае с бургасами, покоренные племена облагались данью.

Другим способом получения части прибавочного продукта был налог. По данным разных источников правитель получал «с каждого дома шкуру соболя», подать со свадьбы и десятину от всех привозных товаров⁴⁰. Кроме того, по словам Ибн-Русте, «подать царю своему платят они лошадьми и другим»⁴¹. В первой половине X в., в период зарождения государственности, вероятно, существовало «полюдь», т.е. регулярный объезд территории государства и сбор дани, за счет которой кормился правитель и его

³⁵ *Измайлов И. Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-XIII в. Казань; Магадан, 1997. С. 131–138.

³⁶ *Vakay K.* Archäologische Studien zur Frage der Ungarischen Staatsgründung // *Acta Archaeologica*. 1967. Т. 19. Fasc. 1/2. S. 105–173; *Эрдели И.* Вооружение древних венгров как источник по истории основания Венгерского государства // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 14–15; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986. С. 189–297.

³⁷ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 36, 37.

³⁸ *Бартольд В. В.* Введение к изданию «Худуд-ал-Алам» // *Он же*. Сочинения. Т. VIII. М., 1962. С. 545.

³⁹ *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С. 136.

⁴⁰ Там же. С. 136.

⁴¹ *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях... С. 24.

дружина⁴². Интересно указание отрывок в этом смысле географа ал-Истахри, писавшего около 950 г.: «Дома у них (булгар. — *И. И.*) деревянные, живут в них зимой, а летом располагаются в шатрах»⁴³. Очевидно, что все население булгарских городов не могло на лето переселяться в кочевые станы. Определенно речь идет о социальных верхах общества, которые сохраняли традиции кочевания, как привилегию правящего клана булгар. Подобные традиции тюркской знати хорошо известны в средневековой Евразии от Анатолии до Китая, но наиболее близкий к описанному по времени и типологически образ жизни аристократии существовал у сельджуков на Ближнем Востоке и в Передней Азии⁴⁴. Не исключено, что это также позволяет говорить о существовании вплоть до середины X в. практики, восходящей к полюдью.

Наличие регулярной налоговой системы, связанной с землей (единица обложения — «дом»), свидетельствует о превращении военно-дружинной знати в корпоративного земельного собственника, реализующего свое верховное право земельной собственности. Судя по данным арабо-персидской историко-географической традиции, система налогов и податей в державе Алмыша базировалась на верховном праве на всю территорию государства. Очевидно, что в основе этого права лежало завоевание или в том или ином виде присоединение земель соседних племен. Получается, что держава Алмыша во главе с родом булгар создавалась как племенное объединение, которое, расширяясь и включая в свое подданство все новые и новые общины, превратилось в государство, где этот клан стал коллективным владельцем всех земель, чье право владения персонафицировалось в личности вождя-правителя.

Структура власти в булгарском государстве по сведениям Ибн-Фадлана выглядит следующим образом. Правитель булгар Алмыш имел титул «ильтебер («эльтебер, малик Булгара»), что показывает его зависимость от хазарского кагана⁴⁵, и был правителем своей державы. Именно ему принадлежала вся высшая политическая и административно-судебная власть в стране. Она основывалась на его суверенном праве на владение всей землей, которая находилась в его подчинении. С полной очевидностью это подтверждают сведения Ибн-Фадлана. В источнике говорится о том, что Алмыш приказал группе сувар (саван) и эсегел переселиться в район реки Джавашир, причем, когда среди них возникло некоторое возмущение, Алмыш пригрозил применить военную силу и добился подчинения. Хотя этот отрывок, из-за дефекта текста, довольно неоднозначен, но он указывает, что правитель имел право на перераспределение своих земель и перемещение различных племен, еще недавно (эсегел) самостоятельных и враждебных. О верховной собственности правителя булгар на землю государства указывает и регулярные дани со всего населения, а также таможенные и другие сборы.

В непосредственном подчинении Алмыша находились четыре «царя» (малика). Некоторые историки предпочитают видеть в этих правителях предводителей подчиненных булгарам племен и при этом предпочитают не замечать, что число покоренных племен (два племени: эсегел и берсула) не совпадает с числом «царей», априори полагая, что

⁴² О практике этой ранней формы налогообложения у тюркских народов см.: Полюдьё: всемирно-историческое явление / Под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М., 2009. С. 257–315.

⁴³ Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Булгар в IX и X веках // СА. 1948. Т. X. С. 269.

⁴⁴ Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 76–111.

⁴⁵ Смирнова О. И. К имени Алмыша, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 249–251.

недостающие два правителя являются вождями неких других племен, не упомянутых в источниках. Однако представляется, что это не совсем корректная интерпретация источников, поскольку подчиненные «цари» (малики), например, малик эсегел упомянуты в другом месте. Не исключая версии (поскольку терминология у Ибн-Фадлана несколько путаная), что эти малики, действительно, были вождями покоренных племен, можно предположить, что это все же правители несколько иного рода, нежели племенные «цари». Дело в том, что они вместе с дружиной Алмыша («его сотоварищами» или «братьями») участвуют во встрече посольства и последующим приеме в шатре эльтебера. В этой связи кажется более убедительным предположить, что эти четыре малика — управители четырех крыльев государства. Подобная традиция известна у тюрко-монгольских народов еще с хуннских времен и была характерна для многих народов, включая сяньби, ухуаней, тоба, жуаньжуаней, тюрков и позднее монголов и татар⁴⁶. Обычно эти правители крыльев являлись ближайшими родственниками правителя и представителями его клана. В этой связи понятно, почему эти управители вместе с дружиной выполняют поручения эльтебера и являются его ближайшим окружением на пиру.

Далее, рангом ниже были «куввады»/«предводители». Историки почти единодушно считают, что под этими «предводителями» следует понимать высший слой служилой дружинной знати (используя древнерусскую терминологию их можно назвать «боярством»), которая выполняла основные командные и управленческие функции. Кроме них при ставке правителя неоднократно отмечались слуги. Сведения о них, кроме Ибн-Фадлана, сообщают и другие арабо-персидские авторы, указывая, что «царь болгар по имени Алмыш исповедует ислам; у него сородичи числом 500»⁴⁷. Вполне вероятно, что это сообщение — компиляция из различных мест сочинения Ибн-Фадлана, но оно может быть также истолковано, как свидетельство о военных слугах — дружине, живущей при правителе. Среди функций этой дружины, по сведениям того же Ибн-Фадлана, можно указать участие в пирах и аудиенциях, сопровождения правителя в поездках по стране и на войне.

Судя даже по этим отрывочным данным, уже в начале X в., Булгария являлась потестарным государством, объединенным верховной военно-политической и административно-судебной властью одной болгарской династии, но с частичным сохранением зависимых племенных вождей. Несомненно, что уже в это время начался процесс активного формирования аппарата государственной власти, основу которого составляла военно-дружинная знать. Булгары в этот период имели довольно развитую дружинную организацию, которая кроме чисто военных, выполняла и ряд других, в том числе и дипломатических, функций, т. е. была зародышем государственного аппарата. Дальнейшее развитие болгарской дружины, видимо, шло в сторону дальнейшей поляризации и выделения знати, которая создавала свои дружины.

Не вдаваясь в дискуссию о характере феодализма в Восточной Европе, необходимо сказать, что изучение истории Булгарии заставляет склоняться к мысли о ведущей роли государства и его структур в процессе феодализации. Грань между родовым и феодальным обществами была размыта, но, если она проявлялась, то только в установлении

⁴⁶ *Трепавлов В. В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 169–189.

⁴⁷ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе... С.26.

надплеменной власти и новых механизмов управления. По форме управление эльтебера Алмышша, видимо, мало отличалось от действий племенных правителей. Но между ними видна и принципиальная разница. В прежней потестарной структуре роды были условно равны между собой, тогда как в новой политической системе ведущую роль играл только род булгар. Булгары, судя по сведениям Ибн-Фадлана, были не только самым знатным и правящим родом, но и выполняли функцию военно-служилого сословия. Постепенно все другие племенные вожди и их роды либо были включены в состав булгар, либо деклассировались, превратившись в податное сословие, либо были уничтожены.

Важнейшим шагом на пути консолидации общества было принятие ислама булгарами в качестве государственной религии. Следует акцентировать внимание на том, что процесс возвышения государства булгар шел практически одновременно с внедрением ислама. Уже в IX в. ислам проникает в среду населения Среднего Поволжья и в начале X в. его, очевидно, принимает Алмыш и булгарская знать. Верхушка булгар принимает ислам под влиянием государства Саманидов, хотя нельзя исключить участие в этом мусульманской гвардии Итиля. Уже в 920-е гг. ислам становится государственной религией, о чем свидетельствуют арабо-персидские авторы и факт начала чеканки монет по мусульманским образцам. Мусульманами являлось, судя по данным археологии, практически все городское население⁴⁸. Язычниками до определенной поры оставались некоторые подчиненные племена, но они были оттеснены на периферию общественной жизни и постепенно исламизировались. Уже в конце X в. прекратили функционирование все языческие могильники на территории Булгарии⁴⁹.

По мере усиления экономической власти и военной мощи, а также на фоне ослабления власти Хазарского каганата, росло стремление эльтебера Алмышша добиться независимости от хазарских каганов, которым он вынужден был платить дань и отдать в заложники своих детей (сына и дочь). В 912/3 г. булгары поддержали мусульман Итиля, подстрекаемых Саманидами, в разгроме похода русов на Каспий, хотя правители хазар пытались договориться с ними. Этот шаг показывает, что булгары пытались поставить под свой контроль стихию варяжских дружин, совершавших походы по Волге, а также их стремление заручиться поддержкой мусульман в противоборстве с Хазарией. Новым шагом на пути признания независимости стал обмен посольствами между Булгарией и Багдадским Халифатом в 921–922 гг., когда произошло дипломатическое признание нового мусульманского государства на севере ойкумены. Дальнейшие шаги Булгарского государства показывают, что его правители фактически добились независимости от хазарских каганов, но до определенного времени формально находились в орбите их власти.

Образование единого государства. Дальнейшее становление Булгарского государства и его институтов слабо документировано письменными источниками. В реконструкции событий можно в определенной мере опираться на нумизматический материал. Монеты свидетельствуют, что в 930–940-е гг. после смерти сына и наследника Алмышша, Микаила ибн Джафара, Булгария распалась на два владения — Болгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар) эмираты. Восточные источники ста-

⁴⁸ Измайлов И. Л. 1) Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С.549-556; 2) Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 5–12.

⁴⁹ Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.

бильно упоминают два города, Болгар и Сувар, а монеты чеканятся в каждом из них отдельно. Например, ал-Истахри (930–933 гг.) писал: «Булгар — имя города, и они (булгары) мусульмане, в (городе) соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей»⁵⁰. Очевидно, без новых источников мы не сможем достаточно отчетливо понять, являлись ли эти города центрами независимых владений, либо это были центры крупных земель, как, например, Киев и Новгород на Руси.

Однако нет никаких оснований видеть в этом распаде стремление сувар сохранить язычество, как полагали А. П. Ковалевский, В. Ф. Каховский, В. Д. Димитриев⁵¹, поскольку восточные источники особо подчеркивают, что в обоих городах есть мечети и живут там «воители за веру». По монетам выделяется династия Ахмедидов (Микаил, Талиб, Мумин) из Суvara (948–976 гг.). Очевидно, на этот период пришлось какие-то взаимоотношения с русами, атаковавшими прикаспийские провинции Халифата в 944/5 гг., и столкновения с русами в 965–968 гг., зафиксированные у ал-Истахри и Ибн-Хаукаля. Возможно, и в том и другом случае булгары не смогли противостоять движению флота русов по Волге или эти походы шли в обход булгарских земель через бассейн Дона и Нижнюю Волгу.

Разгром Хазарского каганата войсками Святослава в 965–968 гг. привел к усилению правителя Болгарского эмирата Мумина ибн ал-Хасана (возможно, потомок Алмышы), который подчинил Сувар и стал чеканить монеты исключительно в Болгаре (976–980/1 гг.). Сувар, вероятно, становится какой-то административно-территориальной единицей (вилайет) единого государства. Так, около 980 г. в Среднем Поволжье возникло единое Булгарское государство. Этот новый этап в истории Булгарского эмирата характеризовался территориальным расширением, укреплением авторитета эмирской власти и утверждением исламской идеологии, окончательным преодолением племенного партикуляризма, созданием общегосударственных институтов власти и утверждением феодальных отношений, основанных на государственной собственности на землю.

Единое государство смогло создать эффективную военно-политическую систему, которая смогла противостоять укрепляющейся Киевской Руси. Булгарский эмират выдержал противоборство с Киевом и утвердил свой авторитет на международной арене подписанием договора о мире с киевским князем Владимиром I (985 г.). Примерно в конце X в. Булгария подчиняет земли буртас в Посурье и становится одним из ведущих средневековых государств Восточной Европы. К этому времени относится полное утверждение ислама на всей территории Булгарии, где прекращают функционировать все языческие могильники.

Таким образом, можно сказать, что процесс складывания государственности у булгар прошел несколько этапов. С приходом булгар на Волгу в конце VII в. они стремились к воссозданию своей государственности, но этот процесс протекал медленно, поскольку проходил в условиях подчинения Хазарскому каганату. Однако по мере ослабления вла-

⁵⁰ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе... С.37.

⁵¹ См.: Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954; Димитриев В. Д., Паньков И. П. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 52–84; Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965; Димитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и Чуваши. Чебоксары, 1984. С. 23–58.

сти хазар и резкого увеличения международной торговли по Великому Волжскому пути в IX в. болгары постепенно устанавливают свою гегемонию над населением Среднего Поволжья в противоборстве с двумя другими племенными объединениями. В начале X в. начался новый этап складывания основ болгарского государства. В этот период пошел активный рост городов и международной торговли по Великому Волжскому пути и произошло принятие ислама в качестве государственной религии. Болгары во главе с эльтебером Алмышем становятся верховным корпоративным земельным собственником, реализуя это право через ренту-налог, а также военно-служилым сословием в новом государстве. Около 922 г. состоялось и дипломатическое признание Булгарии — она обменялась посольствами с Багдадским Халифатом. Развиваются города как политические, административные и торгово-ремесленные центры. В этот период в состав болгарской элиты, включается целый ряд иноэтничных (славянских, финно-угорских и скандинавских) элементов и вырабатывается своя синкретичная культура. Но уже в 940-е гг. происходит формирование двух эмиратов, Булгарского и Суварского, внутри которых укрепляются институты государственной власти и распространяется ислам. Разгром Хазарского каганата (около 980 г.) привел к усилению болгар, объединившихся в единое Булгарское государство. Булгарский эмират становится средневековым государством с соответствующими институтами и политической и административно-правовой системой.

Информация о статье:

Автор: Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований им. А. Халикова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Татарстан, Россия, ismail@inbox.ru

Заголовок: Становление средневековой Булгарии: от племени к государству

Резюме: Статья посвящена одному из важнейших аспектов истории волжских болгар — становлению государственности. Автор доказывает, что этот процесс протекал медленно, поскольку проходил в условиях подчинения Хазарскому каганату. В начале X века волжские болгары во главе с эльтебером Алмышем создали свое государство, которое в 940-е гг. распалось на два эмирата — Булгарский и Суварский, внутри которых укрепляются институты государственной власти и распространяется ислам. Окончательное становление единого Булгарского государства относится уже к 80-м гг. X в.

Ключевые слова: Волжская Булгария, эльтебер Алмыш, Булгарский эмират, Суварский эмират, военно-служилый слой.

Литература, использованная в статье:

Агаджанов, Сергей Григорьевич. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. Москва: Наука, 1991. 303 с.

Афанасьев, Геннадий Евгеньевич. Донские аланы. Социальные структуры алано-асо-буртаского населения бассейна Среднего Дона. Москва: Наука, 1993. 184 с.

Багаутдинов, Риза Салихович; Зубов Сергей Эдгардович; Богачев, Алексей Владимирович. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.

Бартольд, Василий Владимирович. Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // Бартольд, Василий Владимирович. Сочинения. Т. VIII. Москва: Наука, 1962. С. 504–545.

Богуславский, Сергей Александрович. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру» // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. 1925. Т. XXIX. С. 141–153.

Генинг, Владимир Федорович. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 4–15.

- Генинг, Владимир Федорович; Халиков, Альфред Хасанович. Ранние болгары на Волге. Москва: Изд-во АН СССР, 1964. 221 с.
- Горский, Антон Анатольевич. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 17–28.
- Горский, Антон Анатольевич. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). Москва: «Прометей» МГПИ, 1989. 124 с.
- Греков, Борис Дмитриевич. Волжские болгары в IX–X веках // Исторические записки. 1945. № 14. С. 3–37.
- Греков, Борис Дмитриевич; Калинин, Николай Филиппович. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 97–185.
- Димитриев, Василий Дмитриевич. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и Чуваши. Чебоксары: Чувашский НИИЯЛИЭ, 1984. С. 23–58.
- Димитриев, Василий Дмитриевич; Паньков, Иван Петрович. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1958. С. 52–84.
- Добровольский, Игорь Георгиевич; Дубов, Игорь Васильевич; Кузьменко, Юрий Константинович. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 192 с.
- Добродомов, Игорь Георгиевич. К вопросу о «серебряных булгарах» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. Москва: Наука, 1995. С. 149–154.
- Дубов, Игорь Васильевич. Великий Волжский путь. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 256 с.
- Заходер, Борис Николаевич. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Москва: Наука, 1967. 212 с.
- Иванов, Владимир Александрович. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
- Измайлов, Искандер Лерунович. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: ИЯЛИ КФАН АН СССР, 1984. С. 99–107.
- Измайлов, Искандер Лерунович. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X–XIII в. Казань; Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
- Измайлов, Искандер Лерунович. «Русь» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: матер. междунар. симпозиума. Казань: «Мастер Лайн», 1999. С. 94–100.
- Измайлов, Искандер Лерунович. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного симпозиума по вопросам археологии и истории, 11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы / Ред. коллегия: Кирпичников, Анатолий Николаевич; Носов, Евгений Николаевич; Сакса, Александр Иванович. Санкт-Петербург: ИПК «Вести», 2000. С. 70–86.
- Измайлов, Искандер Лерунович. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 549–556.
- Измайлов, Искандер Лерунович. Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 5–12.
- Казаков, Евгений Петрович. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 76–88.
- Казаков, Евгений Петрович. О взаимодействии волжских булгар с тюркоязычным населением юго-восточной Европы в IX–XI веках (по археологическим данным) // Казаков, Евгений Петрович. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. С. 167–176.
- Казаков, Евгений Петрович. Культура ранней Волжской Булгарии. Москва: Наука, 1992. 335 с.
- Казаков, Евгений Петрович. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica (Казань). 1997. № 1. С. 33–53.

- Казаков, Евгений Петрович.* Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1/2. С. 23–38.
- Каховский, Василий Филиппович.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1965. 484 с.
- Кирпичников, Анатолий Николаевич; Дубов, Игорь Васильевич; Лебедев Глеб Сергеевич.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // Славяне и скандинавы. Москва: Прогресс, 1986. С. 189–297.
- Кирпичников, Анатолий Николаевич; Лебедев, Глеб Сергеевич; Дубов, Игорь Васильевич; Булкин, Василий Александрович; Назаренко, Владимир Александрович.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1980. Вып. 160. С. 24–38.
- Кобищанов, Юрий Михайлович* (ред.) Полюдь: всемирно-историческое явление. Москва: РОС-СПЭН, 2009. 791 с.
- Ковалевский, Андрей Петрович.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1956. 256 с.
- Ковалевский, Андрей Петрович.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашский НИИЯЛИЭ, 1954. 64 с.
- Коковцов, Павел Константинович.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград: Academia, 1932. 170 с.
- Кропоткин, Владислав Всеволодович.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 38–62.
- Кузеев, Раиль Гумерович.* Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XVI в. Препринт доклада. Уфа, 1987. 67 с.
- Лебедев, Глеб Сергеевич.* Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.
- Лимонов, Юрий Александрович.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Ленинград: Наука, 1967. 199 с.
- Мельникова, Елена Александровна.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань: «Мастер Лайн», 1999. С. 80–87.
- Мерперт, Николай Яковлевич.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: Изд-во Государственного музея Татарской Республики, 1957. 37 с.
- Петрухин, Владимир Яковлевич.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: «Русич»; Москва: «Гнозис», 1995. 320 с.
- Седов, Валентин Васильевич.* Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1987. С. 336–339.
- Смирнов, Алексей Петрович.* О возникновении государства волжских булгар // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 99–112.
- Смирнова, Ольга Ивановна.* К имени Алмышы, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник. 1977. Москва: Наука, 1981. С. 249–255.
- Трепавлов, Вадим Винцерович.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 169–189.
- Фахрутдинов, Равиль Габдрахманович.* Очерки по истории Волжской Булгарии. Москва: Наука, 1984. 216 с.
- Халиков, Альфред Хасанович.* О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1973. № 3. С. 83–89.
- Халиков, Альфред Хасанович.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. Москва: Наука, 1987. С. 88–103.
- Халиков, Альфред Хасанович.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. 220 с.

- Халикова, Елена Александровна.* Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. № 7. С. 37–42.
- Халикова, Елена Александровна.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
- Хвольсон, Даниил Авраамович.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. Санкт-Петербург, 1869. 212 с.
- Хлебникова, Тамара Александровна; Казаков, Евгений Петрович.* К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 100–136.
- Хлебникова, Тамара Александровна.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар / Отв. ред. Федоров-Давыдов, Герман Алексеевич. Москва: Наука, 1987. С. 32–88.
- Хузин, Фаяз Шарипович.* Булгарский город в X – начале XIII в. Казань: «Мастер Лайн», 2001. 480 с.
- Штукенберг, Александр Антонович.* Древняя курганный могила около деревни Бельмер (Бульмер) в Спасском уезде Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1893. Т. X. Вып. 2. С. 155–160.
- Чичуров, Игорь Сергеевич.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука, 1980. 215 с.
- Эрдели, Иштван.* Вооружение древних венгров как источник по истории основания Венгерского государства // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 14–15.
- Якубовский, Александр Юрьевич.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Булгар в IX и X веках // Советская археология. 1948. Т. X. С. 255–270.
- Bakay, Kornél.* Archaeologische Studien zur frage der Ungarischen staatsgründung // Acta Archaeologica. 1967. T.19. Fasc.1/2. S. 105–173.
- Noonan, Thomas.* The Khazar economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1997. Vol. IX. P. 253-318.
- Noonan, Thomas.* What can archaeology tell us about the economy of Khazaria // The archaeology of the steppes. Methods and strategies. Napoli, 1994. P. 331–245.
- Golden, Peter.* Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Vol. 1–2. Budapest: Academiai Kiado, 1980. 292 p.
- Kristo, Gula.* Hungarian history in the ninth century. Szeged, 1996. 231 p.

Information about the article:

Author: Izmailov, Iskander Lerunovich, Ph. D. in History, National Center for Archaeological Studies named after A. Halikov, Institute of History named after Shigabatdin Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan, Russia, ismail@inbox.ru

Title: The making of the Volga Bulgaria: from tribes to a state

Summary: The article is devoted to one of the most important aspects of the Volga Bulgars' history, that is the formation of statehood. The author argues that the process of making the Volga Bulgar state proceeded slowly, because of the Volga Bulgars' subjection to the Khazar qaganate. In the early 10th century the Bulgar state emerged with *ilteber* Almush at the head of it. However, in the 940s the state disintegrated, breaking down into two polities, that were the Bulgar and Suvar emirates, in which state institutions were strengthened and the process of Islamization intensified. The final formation of the united Bulgar state can be dated to the 980s.

Keywords: Volga Bulgaria, *ilteber* Almush, Bulgar emirate, Suvar emirate, warrior elite.

References:

- Agadzhanov, Sergei Grigor'evich. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI–XII vv.* [The Seljuk state and Central Asia from 11th to the 12th centuries]. Moskva: Nauka, 1991. 303 p.
- Afanas'ev, Gennadii Eugen'evich. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-aso-burtasskogo naseleniya basseina Srednego Dona* [The Don Alans. Social structures of Alanic-As-Burtas population of the Middle Don basin]. Moskva: Nauka, 1993. 184 p.

Bagautdinov, Riza Salihovich; Zubov, Sergei Edgardovich; Bogachev, Alexei Vladimirovich. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya)* [*Proto-Bulgarians on the Middle Volga (on the origins of the history of the Volga-Kama Tatars)*]. Samara: «Polden'. XXII vek», 1998. 286 p.

Bartol'd, Vasilii Vladimirovich. Vvedenie k izdaniyu «Hudud al-Alam» [Foreword to the publication of «Hudud al-Alam»], in Bartol'd, Vasilii Vladimirovich. *Sochineniya. T. VIII* [*Works. Vol. VIII*]. Moskva: Nauka, 1962. P. 504–545.

Boguslavskiy, Sergei Alexandrovich. K literaturnoi istorii «Pamyati i pohvaly knyazyu Vladimiru» [On the literary history of «The memory and praise for Prince Vladimir»], in *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR*. 1925. T. XXIX. P. 141–153.

Gening, Vladimir Fedorovich. Nekotorye voprosy periodizatsii etnicheskoi istorii drevnih bolgar [Some questions of the periodization of the early Bulgars' ethnic history], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoi Yevrope* [*The early Bulgars in Eastern Europe*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1989. P. 4–15.

Gening, Vladimir Fedorovich; Halikov, Al'fred Hasanovich. *Rannie bolgary na Volge* [*The early Bulgars on the Volga*]. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1964. 221 p.

Gorskiy, Anton Anatol'evich. Druzhina i genesis feodalizma na Rusi [*Druzhina and the genesis of feudalism in Russia*], in *Voprosy istorii*. 1984. No. 9. P. 17–28.

Gorskiy, Anton Anatol'evich. *Drevnerusskaya družina (K istorii genezisa klassovogo obschestva i gosudarstva na Rusi)* [*The Old Russian družina (On the history of the genesis of class society and state in Russia)*]. Moskva: «Prometei» MGPI, 1989. 124 p.

Grekov, Boris Dmitrievich. Volzhskie bolgary v IX–X vekah [The Volga Bulgars in the 9th to the 10th centuries], in *Istoricheskie zapiski*. 1945. No. 14. P. 3–37.

Grekov, Boris Dmitrievich; Kalinin, Nikolai Filippovich. *Bulgarskoye gosudarstvo do mongol'skogo zavoyevaniya* [*The Bulgar state before the Mongol conquest*], in *Materialy po istorii Tatarii*. Kazan', 1948. T. 1. S. 97–185.

Dimitriev, Vasilii Dmitrievich. O poslednih etapah etnogeneza chuvashai [On the last stages of the Chuvash ethnogenesis], in *Bolgary i chuvashi* [*The Bulgars and the Chuvashs*]. Cheboksary: Chuvashskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i etnografii, 1984. S. 23–58.

Dimitriev, Vasilii Dmitrievich; Pan'kov, Ivan Petrovich. Naselenie Chuvashskogo Povolzhya v sostave Bulgarskogo gosudarstva [The population of the Chuvash Volga region within the Bulgar state], in *Materialy po istorii Chuvashskoi ASSR*. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1958. Vyp. 1. S. 52–84.

Dobrovol'skii, Igor' Georgievich; Dubov, Igor' Vasil'evich; Kuz'menko, Yurii Konstantinovich. *Graffiti na vostochnykh monetah: Drevnyaya Rus' i sopredel'nye strany* [Graffiti on oriental coins: Old Rus' and neighbouring countries]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989. 192 s.

Dobrodomov, Igor' Georgievich. K voprosu o «serebryanyh bulgarah» [On the question of the «Silver Bulgars»], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoi Yevropy. 1992–1993*. Moskva: Nauka, 1995. S. 149–154.

Dubov, Igor' Vasil'evich. *Velikii Volzhskii put'* [*The Great Volga Route*]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989. 256 s.

Zahoder, Boris Nikolayevich. *Kaspiyskii svod svedenii o Vostochnoi Yevrope* [*The Caspian collection of information on Eastern Europe*]. T.II. Moskva: Nauka, 1967. 212 s.

Ivanov, Vladimir Alexandrovich. *Drevnie ugro-mad'ary v Vostochnoi Yevrope* [*The early Ugro-Magyars in Eastern Europe*]. Ufa: Gilem, 1999. 123 s.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Pohod russkikh knyazei na Velikii gorod v 1183 g. i nekotorye voprosy taktiki oborony volzhskikh bulgar [The campaign of Russian princes against *Velikii gorod* in 1183 and some questions of the Volga Bulgars' defensive tactics], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Arheologicheskie pam'yatniki Nizhnego Prikam'ya* [*Archaeological monuments of the Lower Kama region*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1984. S. 99–107.

Izmailov, Iskander Lerunovich. *Vooruzhenie i voyennoye delo naseleniya Volzhskoi Bulgarii X–XIII vv.* [*The armament and art of war of the inhabitants of the Volga Bulgaria in the 10th to the 13th centuries*]. Kazan'; Magadan: Severo-vostochny nauchny tsentr Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, 1997. 212 s.

Izmailov, Iskander Lerunovich. «Rusy» v Srednem Povolzhye (etapy bulgaro-skandinavskikh etnosotsial'nykh kontaktov i ih vliyanie na stanovlenie gorodov i gosudarstv) [«The Rus» in the Middle Volga

region (the stages of Bulgar-Scandinavian ethno-social contacts and its influence on the making of towns and states)], in *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzhya IX–XII vekov: materialy mezhdunar. simpoziuma [International contacts, trade routes and towns in the 9th to the 12th century Middle Volga region: The materials of the international symposium]*. Kazan': «Master Lain», 1999. S. 94–100.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Balymerskii kurgannyi mogil'nik i yego istoriko-kul'turnoye znachenie [The Balymer barrows and their historical and cultural significance], in Kirpichnikov, Alexandr Nikolayevich; Nosov, Yevgenii Nikolayevich; Saksa, Alexandr Ivanovich (ed.). *Slavyane, finno-ugry, skandinavyy, volzhskie bulgary. Doklady Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma po voprosam arheologii i istorii 11–14 maya 1999 g., Pushkinskie Gory [Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars. Papers of the International Scientific Symposium on archaeology and history, May 11–14, 1999, Pushkinskie Gory]*. Sankt-Peterburg: IPK «Vesti», 2000. S. 70–86.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Islam i musul'manskaya kul'tura v Volzhskoi Bulgarii [Islam and Moslem culture in the Volga Bulgaria], in *Istoriya tatar s drevneyshih vremen. V 7-mi tomah. T. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step' [The history of the Tatars from the ancient times. In 7 volumes. Vol. II. The Volga Bulgaria and the Great Steppe]*. Kazan': Izdatel'stvo «RuhIL», 2006. S. 549–556.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Islam v Volzhskoi Bulgarii [Islam in the Volga Bulgaria], in *Vostok (Oriens)*. 2009. No. 1. S. 5–12.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. O rannih kontaktah volzhskih bulgar so slavyanami i povolzhskimi finnami po arheologicheskim materialam [On the early contacts of the Volga Bulgars with the Slavs and the Volga Finns according to the archaeological evidence], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus' [The Volga Bulgaria and Rus']*. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1986. S. 76–88.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. O vzaimodeistvii volzhskih bulgar s tyurkoyazychnym naseleniyem Yugo-Vostochnoi Yevropy v IX–XI vekah (po arheologicheskim dannym), in Kazakov, Yevgenii Petrovich. *Bulgarskoye selo X–XIII vekov nizoviy Kamy [The 10th to 13th century Bulgar villages in the Lower Kama region]*. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1991. S. 167–176.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bulgarii [The culture of the early Volga Bulgaria]*. Moskva: Nauka, 1992. 335 s.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. Volzhskaya Bulgariya i finno-ugorskii mir [The Volga Bulgaria and the Finno-Ugrian world], in *Finno-Ugrica* (Kazan'). 1997. Nr. 1. S. 33–53.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. Novye arheologicheskiye materialy k probleme rannei tyurkizatsii Uralo-Povolzhya [New archaeological materials on the problem of early türkicization of the Volga-Ural region], in *Tatarskaya arheologiya*. 1999. Nr. 1/2. S. 23–38.

Kahovskiy, Vasilii Filippovich. *Proishozhdenie chuvashskogo naroda. Osnovnye etapy etnicheskoi istorii [The origins of the Chuvash people. The main stages of the ethnic history]*. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1965. 484 s.

Kirpichnikov, Anatolii Nikolayevich; Dubov, Igor' Vasil'evich; Lebedev, Gleb Sergeevich. Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo perioda [Rus' and the Varangians (Rus'-Scandinavian relations of pre-Mongol period)], in *Slavyane i skandinavyy [Slavs and Scandinavians]*. Moskva: Progress, 1986. S. 189–297.

Kirpichnikov, Anatolii Nikolayevich; Lebedev, Gleb Sergeevich; Dubov, Igor' Vasil'evich; Bulkin, Vasilii Alexandrovich; Nazarenko, Vladimir Alexandrovich. Russko-skandinavskie svyazi epohi obrazovaniya Kievskogo gosudarstva na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian contacts of the period of the making of the Kievan state in the light of current archaeological research], in *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR*. 1980. Vyp. 160. S. 24–38.

Kobischanov, Yurii Mihailovich (ed.) *Poludie: vseмирno-istoricheskoye yavleniye [Poludie: a world-wide historical phenomenon]*. Moskva: ROSSPEN, 2009. 791 s.

Kovalevskii, Andrei Petrovich. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. [Ahmed Ibn-Fadlan's book on his travelling to the Volga region in 921–922]*. Har'kov: Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 256 s.

Kovalevskii, Andrei Petrovich. *Chuvashi i bulgary po dannym Ahmeda Ibn-Fadlana* [The Chuvashes and the Bulgars according to Ahmed Ibn-Fadlan's data]. Cheboksary: Chuvashskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i etnografii, 1954. 64 s.

Kokovtsov, Pavel Konstantinovich. *Yevreisko-hazarskaya perepiska v X v.* Leningrad: Academia, 1932. 170 s.

Kropotkin, Vladislav Vsevolodovich. *Bulgarskie monety X veka na territorii Drevnei Rusi i Pribaltiki* [The 10th century Bulgar coins in the territory of Old Rus' and the Baltic region], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus'* [The Volga Bulgaria and Rus']. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1986. S. 38–62.

Kuzeev, Ravil' Gumerovich. *Problemy etnicheskoj istorii narodov Srednego Povolzhya i Yuzhnogo Urala s serediny vtoroi poloviny I tysyacheletiya n.e. do XVI v.* [Problems of the ethnic history of the peoples of the Middle Volga and Southern Ural regions from the second half of the 1st millennium AD to the 16th century]. Ufa, 1987. 67 s.

Lebedev, Gleb Sergeevich. *Epoha vikingov v Severnoi Yevrope* [The Viking Age in Northern Europe]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1985. 286 s.

Limonov, Yurii Alexandrovich. *Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi* [The Vladimir-Suzdal' Rus' Chronicle writing]. Leningrad: Nauka, 1967. 199 c.

Mel'nikova, Yelena Alexandrovna. *Baltiysko-Volzhskii put' v rannei istorii Vostochnoi Yevropy* [The Baltic-Volga route in the early history of Eastern Europe], in *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzhya IX–XII vekov: materialy mezhdunar. simpoziuma* [International contacts, trade routes and towns in the 9th to the 12th century Middle Volga region: The materials of the international symposium]. Kazan': «Master Lain», 1999. S. 80–87.

Merpert, Nikolai Yakovlevich. *K voprosu o drevneishih bolgarskih plemenah* [On the question of the earliest Bulgar tribes]. Kazan': Izdatel'stvo Gosudarstvennogo muzeya Tatarskoi respubliki, 1957. 37 s.

Petruhin, Vladimir Yakovlevich. *Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX–XI vekov* [The beginning of the ethno-cultural history of Rus' in the 9th to 11th centuries]. Smolensk: «Rusich»; Moskva: «Gnozis», 1995. 320 s.

Sedov, Valentin Vasil'evich. *Vengry v Vostochnoi Yevrope* [The Magyars in Eastern Europe], in *Finno-ugry i balty v epohu srednevekoviya* [The Finno-Ugrians and the Balts in the Middle Ages]. Moskva: Nauka, 1987. S. 336–339.

Smirnov, Alexei Petrovich. *O vozniknovenii gosudarstva volzhskih bulgar* [On the emergence of the state of the Volga Bulgars], in *Vestnik drevnei istorii*. 1938. Nr. 2 (3). S. 99–112.

Smirnova, Ol'ga Ivanovna. *K imeni Almisha, syna Shilki, tsarya bulgar* [On the name of Almush, Shilki's son, the ruler of the Bulgars], in *Tyurkologicheskii sbornik*. 1977. Moskva: Nauka, 1981. S. 249–255.

Trepavlov, Vadim Vintserovich. *Traditsii gosudarstvennosti v kochevykh imperiyah (oчерk istoriografii)* [Traditions of statehood in nomadic empires (a historiographical essay)], in *Mongolica. K 750-letiyu «Sokrovennogo skazaniya»* [Mongolica. To 750th anniversary of «The Secret History of the Mongols»]. Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1993. S. 169–189.

Fahrutdinov, Ravil' Gabdrahmanovich. *Oчерki po istorii Volzhskoi Bulgarii* [Essays on the history of the Volga Bulgaria]. Moskva: Nauka, 1984. 216 s.

Halikov, Al'fred Hasanovich. *O stolitse domongol'skoi Bulgarii* [On the capital of pre-Mongol Bulgaria], in *Sovetskaya arheologiya*. 1973. Nr. 3. S. 83–89.

Halikov, Al'fred Hasanovich. *Velikoye pereselenie narodov i yego rol' v obrazovanii varvarskih gosudarstv*, in *Ot doklassovykh obschestv k ranneklassovym*. Moskva: Nauka, 1987. S. 88–103.

Halikov, Al'fred Hasanovich. *Tatarskii narod i yego predki* [The Tatar people and its ancestors]. Kazan', 1989. 220 s.

Halikova, Yelena Alexandrovna. *Magna Hungaria*, in *Voprosy istorii*. 1975. No. 7. S. 37–42.

Halikova, Yelena Alexandrovna. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv.* [Moslem burial grounds of the Volga Bulgaria from the 10th to the early 13th century]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1986. 160 s.

Hvol'son, Daniil Avraamovich. *Izvestiya o hazarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah* [The data on the Khazars, Burtas, Bulgars, Magyars, Slavs, and Rus']. Sankt-Peterburg, 1869. 212 s.

Hlebnikova, Tamara Alexandrovna; Kazakov, Yevgenii Petrovich. K arheologicheskoj karte rannei Volzhskoi Bolgarii na territorii TASSR [On the archaeological map of the early Volga Bulgaria in the territory of TASSR], in *Iz arheologii Volgo-Kamya* [From the archaeology of the Volga-Kama region]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1976. S. 100–136.

Hlebnikova, Tamara Alexandrovna. Istoriya arheologičeskogo izučeniya Bolgarskogo gorodischa. Stratigrafiya. Topografiya [The history of the archaeological research of Bolgar. Stratigraphy. Topography], in Fedorov-Davydov, German Alexeevich (ed.). *Gorod Bolgar* [The town of Bolgar]. Moskva: Nauka, 1987. S. 32–88.

Huzin, Fayaz Sharipovich. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII v.* [Bulgar town from the 10th to the early 13th century]. Kazan': «Master Lain», 2001. 480 s.

Shtukenberg, Alexandr Antonovich. Drevnyaya kurgannaya mogila okolo derevni Belymer (Bulymer) v Spasskom uyezde Kazanskoi gubernii [The ancient mound burial near the village of Belymer (Bulymer) in Spasskii district of Kazan' region], in *Izvestiya obschestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 1893. T. X. Vyp. 2. S. 155–160.

Chichurov, Igor' Sergeevich. *Vizantijskie istoričeskie sočineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarii» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii* [Byzantine historical works: Chronografia of Pheophanes, Breviarium of Nicephorus. Texts, translation, commentary]. Moskva: Nauka, 1980. 215 s.

Erdely, Istvan. Vooruzhenie drevnih vengrov kak istočnik po istorii osnovaniya Vengerskogo gosudarstva [The armament of the early Magyars as a source on the history of the formation of the Hungarian state], in *Uralo-altaistika. Arheologiya. Etnografiya. Jazyk* [Uralo-Altaic Studies. Archaeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk: Nauka, 1985. S. 14–15.

Jakubovskii, Alexandr Jur'evič. K voprosu ob istoričeskoj topografii Itil'a i Bulgar v IX i X vekah [On the question of the historical topography of Itil' and Bolgar in the 9th and 10th centuries], in *Sovetskaya arheologiya*. 1948. T. X. S. 255–270.

Bakay, Kornél. Archaologische Studien zur frage der Ungarischen staatsgründung, in *Acta Archaeologica*. 1967. T. 19. Fasc.1/2. S. 105–173.

Golden, Peter. *Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Vol. 1–2*. Budapest: Academiai Kiado, 1980. 292 p.

Kristo, Gyula. *Hungarian history in the ninth century*. Szeged, 1996. 231 p.

Noonan, Thomas. The Khazar economy, in *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1997. Vol. IX. P. 253–318.

Noonan, Thomas. What can archaeology tell us about the economy of Khazaria, in *The archaeology of the steppes. Methods and strategies*. Napoli, 1994. P. 331–245.